

ЮЛИЯ РЯБНИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Норка
НЕВОЗВРАТА

Юлия Рябинина
Точка невозврата

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рябинина Ю.

Точка невозврата / Ю. Рябинина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Забыть, уйти, распрощаться с прошлой жизнью - вот чего хотелось Антону, когда его бросила бывшая, но близнецы, что остались жить с ним, будут всегда напоминать об ошибках, сделанных в молодости. Неожиданно в жизнь Антона врывается рыжеволосая Вика. Его будто заклинило на ней. Любовь с первого взгляда? Возможно! Страсть? И снова в точку, но прошлая жизнь не хочет отпускать. Обложка создана автором с использованием изображений с сайта shutterstoc. Содержит нецензурную брань.

© Рябинина Ю., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

В оформлении обложки использована фотография автора: https://vk.com/club166283266	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В оформлении обложки использована фотография автора: <https://vk.com/club166283266> Глава 1

– Лика, ты куда собралась? – шипит парень, стоя в дверном проеме и наблюдая, как его молодая жена надевает босоножки на высоком каблуке.

Короткая юбка красного цвета задралась выше, чем позволяют правила приличия, оголяя бедро.

– Антон, ты меня достал, – она выпрямилась, посмотрела парню в глаза и тоном, в котором сквозил один лишь сарказм, проговорила: – Я тебе уже сто раз сказала, что у Ксюры сегодня день рождения, и я, видишь ли, приглашена. Так понятно?

Антон смотрел на жену и до сих пор не верил в то, что мог жениться на ней. Когда это его так переклинило, что эта искусственная кукла смогла ему понравиться? Конечно, в постели она еще та горячая штучка, без комплексов и предрассудков. Всегда податливая и безотказная, но в жизни оказалась просто пустышкой.

– Ты надолго? – решил он сменить тактику.

– Тоша, – ласково проговорила она, подойдя к нему вплотную, – давай без детского сада, я же не знаю, как пойдет. Ксюра – она же девушка разнообразная, ты и сам должен помнить. Мало ли, что она придумает.

– Я ее помню, да, ты права, – отозвался муж и мысленно добавил: – «Не раз ее трахал, пока ты, пьяная, валялась в соседней комнате», – но вслух сказал совершенно иное: – Ты не забывай, что в детской Димка и Лешка спят, и им нужна мама, а я, как видишь, совсем на тебя не похож.

Девушка скривила губы.

– Антон, – проскрежетала она, из ее губ его имя звучало отвратно, он это стал замечать в последнее время. – Я же сказала, без детского сада. Ну, что ты, не знаешь, как смесь навести или подгузник поменять?

– А завтра мне на работу, – перебил ее парень. – Кто с ними будет сидеть, если ты всю ночь будешь гулять?

– Я по дороге позвоню няне, она придет, тоже нашел проблему, – буркнула она себе под нос.

Это стало последней каплей. Антон молниеносно схватил девушку за шею и сжал чуть сильнее, чем это требовалась. Она затаилась и со страхом уставилась в его лицо.

– Слушай сюда, – проговорил он металлическим голосом. – Дети наши, и я не хочу, чтобы с ними сидела нянька, когда ты будешь с похмелуги завтра отходить. Сегодня ты идешь куда-либо в последний раз, так что повесились на славу, потому что с завтрашнего дня ты будешь посвящать все свое время пацанам, поняла?

Девушка хрипло выдохнула, но при этом кивнула головой. Антон отпустил шею. Отступил на шаг.

– Пошел ты, Троицкий, на х@й, – она отступила к выходу. – А еще раз так сделаешь, расскажу отцу, понял?

– Лика, заткнись и иди уже, – парень прислонился спиной к стене.

Лика потеряла шею и взглянула в зеркало, в отражении увидела красные следы.

– Ты мудака, Антон, – она перевела на него взгляд, полный ненависти, – сука, нахрен я согласилась выйти за тебя! – голос Лики сорвался на крик.

Хорошо, что квартира была не панельная, и детская находилась далеко от входа.

– Лика, я тебе уже сказал, прикуси свой долбаный язык и вали уже, – спокойно проговорил парень.

Теперь уже она фурией подлетела к нему и, замахнувшись рукой, хотела дать Антону пощечину, но парень перехватил ее запястье и вывернул руку так, что оно хрустнуло. Лика вскрикнула.

– Это я сука? – прошипел он ей в ухо. – Это ты за меня замуж вышла?

Она махнула головой, и ее крашенные в рыжий цвет волосы рассыпались по плечам.

– Отпусти. Больно, – просипела она.

– Больно мне, Лика, когда я вижу, как ты плюешь на детей ради вот такой вечеринки. Если бы в тот день три года назад не залетела от меня, я бы к тебе и на пушечный выстрел не подошел. А теперь, – он перевел дыхание, – будь хорошей девочкой, иди, тусуйся и помни... – он усмехнулся, но как-то зло, не по-доброму. – Я чувствую себя крестной феей из золушки. И помни, деточка, – продолжил гаденьким голосом, – в двенадцать ноль-ноль твоя карета превратится в тыкву, а платье – в лохмотья, и сука-муж будет ждать тебя дома.

Он отпустил ее руку. Девушка дернулась и, взявшись за запястье, потеряла его.

– Я ненавижу тебя, – прошипела она.

– Взаимно, – парировал парень.

Лика подхватила сумочку, достала из нее ярко-красную помаду. Показательно обвела ей губы и, вынув ключи, открыла дверь. Бросила последний взгляд на Антона.

– Мудак, – одними губами прошептала она.

Парень дернулся к двери, но жена ее быстро закрыла, и звук получился сильно громким. Антон издал смешок. Трогать он ее все равно не собирался. Об таких, как она, и руки пачкать не хочется. Проходя в кухню, услышал тихий плач в детской. Развернулся в сторону комнаты и, в два шага преодолев расстояние, открыл дверь.

Дима стоял в кровати и сонно потирал глазки сжатым кулачком, тихонько всхлипывая. Лешка в соседней кровати крепко спал.

Антон взял сына на руки.

– Ну, что ты, мой хороший? – он прижал его к себе и сел на диван, что стоял в детской. – Плохой сон приснился?

– Мама, хочу к маме, – прохныкал малыш.

Сердце в груди сжалось и забухало рваными ударами о грудную клетку. У Антона внутри творилась буря. Хотелось спуститься вниз, притащить эту суку обратно домой и заставить уделять детям должное внимание.

– Мама спит, малыш, – он уложил сына на руку. – Давай, я тебе сказку расскажу, или пойдем, нальем сока.

Малыш закивал головкой, и Антон, подойдя к кровати и взяв пустую бутылочку, пошел на кухню.

Через полчаса он уложил спящего Диму в кровать и, приглушив до минимума ночную лампу, вышел из детской. Усталость накапливалась с каждым днем и вот сегодня дала о себе знать выплеском агрессии на Лику. Ведь сам ей позволял гулять, никак не пресекая ее походы в ночные клубы. Всегда с пониманием относился к тому, что ей тоже нужно отдыхать от детей, ведь у них близнецы, а кроме няни им никто не помогал. Родителям Лики было некогда, а родителей Антона уже давно нет на этом свете. Тоска по матери и отцу опять пробралась в душу. Он подошел к холодильнику и плеснул себе минералки. Сел на стул.

Как-то все не так складывается, как он хотел. Вот уже два года прошло, как родились пацаны, а у них в семье все становится только хуже. Лика совсем перестала уделять внимание сыновьям, переложив всю заботу на няnek. Ей только клубы и подавай, а еще регулярные поездки на море, которые ей оплачивает отец. Сука. Не понимает, что этим только разрушает тот мирок, что Антон старается создать. А сегодня он вообще охерел, когда пришел домой и

увидел подобие его жены. Размалеванная шлюха встретила его у порога со словами, что сегодня она идет на день рождения. Парень прошелся по квартире, все везде убрано – домработница постаралась, дети помыты и накормлены и даже уложены спать, но это тоже не ликина заслуга, потому как он точно знал, что с пацанами она одна не в силах справиться. По первой всегда ждала его с работы, и они вместе укладывали их спать. А теперь... что теперь? Дикая ненависть, что он сейчас увидел в ее глазах. Ну, с другой стороны, может, и правда он переборщил. Нужно было сначала поговорить о том, что ему не нравится, как мало Лика уделяет внимания детям. Завтра? А он начал предъявлять ей с порога.

Тряхнул головой. Как все сложно. Семейная жизнь – это работа для двоих, но пока парень чувствует, как только он старается, и по ходу эта игра только в одни ворота.

Утром Антона разбудил настойчивый звонок в дверь. Глянул на часы – восемь-ноль-ноль – и очумело завертел головой. Лики не было дома. Он натянул домашние штаны и зашагал к двери. Проходя детскую, услышал, как там уже вовсю улюлюкают дети.

Щелкнул замком и распахнул дверь.

– Доброе утро, Антон, – проговорила женщина и, подвинув парня, прошла внутрь.

– Здравствуйте, Людмила Викторовна.

Няня детей была женщиной немолодой. Лет пятьдесят, но выглядела презентабельно. Волосы всегда собраны в тугий узел на затылке, строгий костюм, неизменная белая рубашка, пиджак, а вот низ менялся с юбки на брюки и обратно. Она Антону всегда напоминала американских нянь.

– Лики нет, – вдруг потерялся парень перед натиском женщины и захлопнул за ее спиной дверь.

– Да вы не переживайте и не волнуйтесь, – няня прошла в ванную. – Она мне вчера звонила и предупредила, что задержится. Я все понимаю.

Выйдя из ванной, женщина тут же прислушалась.

– О, слышу, наши голубки проснулись, – она снова посмотрела на парня. – Вы не переживайте, одевайтесь на работу, я сейчас приготовлю завтрак, как раз с детьми и поедите.

Антон замер на месте, как громом пораженный, давно ему никто уже не предлагал позавтракать. С раннего утра и до вечера он торчит на работе, и это хорошо, если удастся выбраться до того момента, как дети лягут спать. В основном он приходил, когда малыши уже сопели в кроватках и видели десятый сон, а Лика сидела в прихожей и ждала его, как сторожевая собака, чтобы сдать пост и пойти на прогулку. Вот к этому он точно уже привык, а вот к завтраку с утра...

– Антон, вы меня слышали? – голос няни вернул его в реальность.

– Ага, спасибо, – проговорил он, – только если вас это не затруднит.

– Нет, не затруднит, Антон.

Лика не появилась дома ни к вечеру, ни на следующий день. Антон уже хотел было звонить ее отцу, но, узнав от Людмилы Ивановны, что та с ней держит постоянную связь, понял, что с ней все в порядке. Но вот что она задумала, для него было пока загадкой.

Глава 2

Захожу в квартиру и с порога чувствую, как в воздухе витает слащавый запах Лики. Скидываю кроссовки. Прохожу на кухню. Лика сидит ко мне в пол-оборота.

Прохожу мимо, достаю минералку. В горле пересохло то ли от возмущения, то ли от предчувствия чего-то неизбежного. И это, скорее всего, потому, что Лика демонстративно медленно стягивает шелковый шарф – а я его сразу и не заметил – и кладет на стол. Я скольжу взглядом по ее шее и вижу отпечатки своих пальцев. Сука.

– Ну, вот, Тоша, ты и допрыгался, – хрипловатый голос нарушает тишину комнаты.

Я уставился на нее, не веря в то, что она говорит мне это.

– Я? – в недоумении смотрю на нее.

Красные губы кривит ухмылка. Она смотрит мне прямо в глаза.

– Ну, как видишь, ты, – проводит по шее рукой. – Завтра я подаю на развод.

В голову ударяет кровь и начинает гулко пульсировать в висках.

– Завтра уезжаю к родителям вместе с детьми, а тебя, – она постукивает длинным красным ногтем по столешнице, – я попрошу съехать с квартиры в течение месяца, который нам на раздумье и на примирение даст суд, – она встала со стула. – Я надеюсь, ты понимаешь, что жить с тобой я больше не намерена.

Я выпиваю минералку одним глотком. Давлюсь, но так хоть отвлекаюсь от того, что сейчас творится у меня внутри. А у меня там все переворачивается и сжимается в ледяной ком, сердце бухает так быстро, что кажется, еще пара таких ударов, и оно пробьет грудную клетку. А в голове уже установилось четкое понимание, что я теперь не смогу каждый день видеть своих пацанов. Твою мать! К горлу подкатила тошнота, и я чуть не блеванул той минералкой, что выпил, тут же, на пол, этой суке под ноги.

Она отвернула свое довольное лицо, видимо, радуясь произведенному эффекту. Не могу сдержаться, хватаю ее за руку.

– Стоять, – выдавливаю из себя.

Она не ожидала от меня каких-либо действий, потому что дергается, пытается вырваться, но я держу крепко.

– Если тронешь, – заикаясь, блеет она, как овца, – отец тебе башку разобьет, понял?

Но это меня не останавливает. Ее угрозы сейчас для меня – пустое место. Дергаю ее на себя, и она не удерживается на месте, припадает ко мне. Завожу ее руку ей за спину и прижимаю сильнее.

– Я сейчас не ослышался, как понимаю, – говорю ей в лицо, прямо в губы, – ты хочешь забрать пацанов и свалить? – сокращаю расстояние между нашими губами до минимума, и в нос ударяет запах мятной жвачки и перегара. Морщу нос. – Бухала?

Она опускает глаза, но я второй рукой поднимаю ее подбородок и заставляю смотреть на меня.

– Отстань, – шепчет она, но я ей не даю продолжить, впиваюсь в ее губы поцелуем, жестким, безжалостным.

Терзаю губы до тех пор, пока она не начинает стонать и прижиматься ко мне. Тварь, ведь зависит от меня, а начинает крутить хвостом. Отстраняюсь от нее и с брезгливостью отталкиваю от себя. Лика, тяжело дыша, отходит к столу.

– Ненавижу тебя. Ублюдок, – по ее щекам потекли слезы. – Из-за тебя и...

Она не договаривает, наверное, увидев на моем лице звериный оскал, потому что в этот момент я жду продолжения, заранее зная, что она хочет сказать про мальчишек, но она молчит. Ее грудь часто вздымается. Она все-таки выходит из кухни и сбегает в спальню, при этом щелкая замком.

Я тут же опускаюсь на холодный пол и зажимаю руками голову. Теряюсь в прострации. Бля, что делать, что делать? Как остановить это безумие? Как?

Поднимаюсь рывком и иду в спальню к детям. Мальчишки сладко спят, посапывая во сне. Склоняюсь к Димке и целую его в пухлую щечку, потом к Лешке. Закрываю глаза и втягиваю полные легкие детского запаха. На глазах выступает влага. Тут же стираю ее ладонью. Они – самое родное, что у меня есть на этом свете, и завтра эта бездушная кукла хочет у меня их забрать.

Выхожу из спальни и, прикрыв дверь, набираю телефон Сереги. Трубку почти сразу поднимают.

– Да, Антох, – слышу я знакомый голос.

– Серег, нужна помощь, – без лишних слов сообщаю ему.

– Давай.

Захожу в кухню и закрываю дверь.

– Кукла хочет подать на развод и забрать детей.

Минутное молчание в трубке подтвердило мои опасения.

– Ну, на данном этапе ты ничего не сможешь сделать, Тох. Тем более, если Петрович подключит своих адвокатов, тогда вообще без вариантов.

– Я понял, – отключаю телефон.

Он спустя секунду вибрирует в руке. Серега. Поднимаю трубку.

– Да ты не расстраивайся, Антох, – говорит он быстро, словно видит мое состояние.

– Я понял, Серег. Давай. Завтра созвонимся.

– Ага, пока, – он отключился.

Утро не принесло облегчения. Сколько часов я проспал, не могу даже представить, потому что долго не мог заснуть. Спал сегодня в гостиной. Спальню, где вчера закрылась Лика, обошел стороной. Даже вещи не забрал, спал в халате. Разлепил глаза с трудом, но нужно вставать. Обязанности призывают к ответственности. Прислушиваюсь. Тишина. Встаю с дивана и, пересекая комнату, выхожу в коридор. Тихие звуки детских голосов доносятся из спальни. Подхожу к двери и распахиваю ее до середины.

– Доброе утро, Антон, – Людмила Викторовна сидит в кресле и натягивает на мальчишек одежду.

– Доброе, – я снова в недоумении. – А... а где Лика?

Женщина опускает глаза и начинает копошиться в детской одежде, пытаюсь скрыть неловкость, хотя в ее возрасте это странно.

– Она ушла, – вымолвила няня, но я понял, что она что-то недоговаривает.

– Куда? – перешел я в наступление, хотя зачем спрашиваю, ведь она вчера дала ясно понять, куда пойдет сегодня утром. – Хорошо, – сказал скорее себе, чем няне, – я ушел на работу.

Развернулся и направился к двери.

– Лика сказала, что я свободна на месяц.

Ее слова, будто холодный утренний душ, вылились на меня.

– Я просто к вам так привыкла, к мальчикам. Вы собираетесь уволить меня?

– Нет, Людмила Викторовна, даже не думайте об этом, – я перевел дыхание. – Просто Лика с детьми переезжает к родителям на месяц, а потом вернется обратно.

Я замолчал, раздумывая над тем, стоит ли говорить про развод няне.

– Лика решила развестись со мной, – все же решился признаться.

– Не может быть, – одними губами проговорила женщина.

Я широкими шагами преодолел лестничный пролет, что вел к зданию суда. Серега позвонил с утра и посоветовал непременно быть рядом с Ликой, когда та будет подавать заявление на развод. Я хотя и не понимал до конца важности этого момента, но Сереге доверял полностью.

Стеклянные двери распахнулись, и мне навстречу вывалилась толпа студентов. Я попытался протиснуться среди них и даже не заметил, как налетел на девчонку. Тихое «ой», и она летит на каменный пол. Не успеваю подхватить ее и вижу, как, ударившись о керамогранит, девчонка морщится от боли.

– Извини, – присаживаюсь на колени и помогаю собрать разлетевшиеся в разные стороны бумажные листы.

Застываю на месте, когда она поднимает на меня глаза. Серебристо-серые с загнутыми длинными ресницами, огромные озера, в которых можно утонуть, и ярко-рыжая выющаяся прядь, выбившаяся из прически и ниспадающая по щеке. Она пытается заправить ее, а я не могу оторвать от нее взгляд. Блуждаю им по ее лицу, выискивая изъяны, и не нахожу.

– Надо быть поосторожнее, – произносит она хрипловатым низким голосом.

– Извини, – снова повторяю я.

Девчонка опускает глаза и, поднявшись, смотрит на сбитые коленки. Я протягиваю ей собранные бумаги и тоже опускаю взгляд на ее ноги. Фух, а они ничего. Худенькие ножки обтянуты тонким капроном, юбка карандаш чуть выше положенной ей длины оголяет острые коленки, сейчас сбитые до крови. Она протягивает руки за бумагами, а я чуть задерживаю стопку в своих руках. Девочка вопросительно изгибает аккуратную бровь.

– Давай отвезу тебя в больницу, кровь все-таки, а там зеленка есть, – вот это выдал.

– Спасибо, конечно, но не думаю, что эти раны требуют врачебного вмешательства.

– Вика, ты скоро? – за спиной раздался мужской голос, и это резануло не только слух, но и прошлось вибрацией по нервам.

Поворачиваю голову. Передо мной стоит детина по метр восемьдесят. Весь, что называется, прокачанный. Бицепсы натянули рукава футболки до максимума. Черные волосы в хаотичном беспорядке, длинная челка падает на лоб. Голубые холодные глаза скользнули по мне лишь потому, что я оказался на его пути. Пухлые губы поджались, когда он пробежался взглядом по девушке.

– Ты что, упала, что ли?

Щеки девушки тронул румянец.

– Ага, – кивнула она и сделала шаг по направлению к парню.

– Ну, ты и растяпа, – проговорил он. Развернулся к девушке спиной и зашагал на выход.

Она посеменила за ним, громко цокая каблучками по полу. Странная парочка. Пронаблюдав всю эту картину, что длилась считанные минуты, я пошел искать кабинет, в котором могла бы оказаться Лика.

Жена сидела ко мне спиной в кабинете, куда меня направил охранник здания суда. Вот эти люди знают все. Хотя, что там знать. У них целая мониторинговая комната. И в наличии камеры во всех кабинетах.

На звук открывшейся двери Лика обернулась, и на ее лице застыло изумленное выражение.

– Зачем пришел? – проговорила она.

– Привет, – подхожу к ней ближе, а внутри все переворачивается от злости, в каждую нервную клетку, что сейчас на взводе, будто медленно вводят острые иглы, заставляя пульсировать, сопротивляться обстоятельствам. Со всей силы сжимаю кулаки от безысходности и осознания того, что исправить это не в моих силах. – Ты обдуманно приняла решение? – сквозь зубы цежу вопрос. – Обратной дороги не будет.

Зачем угрожаю ей? Вижу ведь, что в этих мастерски покрашенных и подведенных толстой стрелкой карих глазах нет и намека на неуверенность.

– Если ты будешь разговаривать со мной в таком ключе... – она замолчала.

И где только таких слов-то набралась, интересно? Никак папаша постарелся.

– Со мной будешь общаться только через адвоката, я уже приняла решение, и... – она не договорила, потому что я подошел ближе и рывком повернул ее к себе.

Она крутанулась на стуле и тут же вскочила с него.

– Еще один синяк, и я тебя засажу, – шипит она мне в лицо. – Отец сказал, что еще поговорит с тобой при личной встрече.

Рука сама по себе тянется к ее локтю, и я хватаю ее крепко.

– Не дам видеться с детьми, – выплевывает она мне в лицо.

Тварь, знает, чем зацепить. Еле разжимаю пальцы. Они, словно закаменевшие, не хотят отпускать ее локоть. Медленно разворачиваюсь и делаю шаг в сторону двери. Все-таки зря я пришел.

– Сегодня я приеду домой, – говорю через плечо и выхожу за дверь, не оборачиваясь.

Сажусь в машину и даю на газ. Не могу выбросить из головы картину пустующей квартиры, того, как прихожу домой и не вижу мальчишек, не обнимаю и не кормлю их кашей по выходным. Я начинаю копать, проигрывать все то, что еще не случилось, и на душе становится хреново.

Я, конечно же, понимал, что с Ликой у нас все катится по наклонной и сводится на «нет» наша семейная жизнь, но как-то даже не задумывался над тем, что дойдет дело до развода, что у нее вообще в голове появятся такие мысли. Видимо без тещи не обошлось. Она всегда относилась к нашему браку скептически, говорила, что по залету навряд ли получится крепкий союз. Но это мы знали и без нее. Особой любви у нас с Ликой и не было. И не кричали мы на каждом углу об этом. Случайность и порванный гандон были тому виной, а потом еще оказалось, что Лике нельзя делать аборт. Тем более, первая беременность, и если сделать аборт, то она потом вообще не сможет забеременеть.

Мне, как джентльмену, пришлось тогда жениться на ней. Отца с матерью уже на тот момент не было, и это меня тоже, скорее всего, заставило сделать этот шаг. Поскольку на женитьбе никто не настаивал, на ней настоял я. А потом, через девять месяцев, родились пацаны. Вот тогда я и понял, что значит быть отцом, что значит качать на руках маленьких человечков и чувствовать себя центром их вселенной, потому что они полностью зависят от тебя, потому что спустя несколько месяцев Лика бросила их кормить и начала шлаться по клубам, а я заменял ее. Не спал ночами, когда у детей были колики, и спасало одно – няня Людмила Викторовна, которая готова была помочь не только днем, но и ночью. Своих детей у нее не было, зато она нашла нас. Бл@ть, ну почему в жизни так много несправедливости?

Заехал домой. Квартира оказалась пустой, видимо, Людмила Викторовна ушла с мальчишками гулять. Но так даже лучше, прощание хуже всего. Я достал спортивную сумку, покидал туда вещи первой необходимости. Зашел в детскую. Игрушки раскиданы по полу, я поднял первую попавшуюся и сунул в карман. Глаза защипала соленая влага и пеленой застелила взгляд. Зло смахиваю непрошенные слезы. Ненавижу. Ненавижу эту тварь, а еще придется и с тестем пообщаться.

На работу прихожу с опозданием на два часа. Прямоком иду в кабинет.

– Антон Романович, – голос секретарши заставляет замереть на месте. – Владимир Петрович просил вас зайти к нему.

Киваю в ответ.

– С вами все в порядке? – слышу голос девушки себе в спину и, ничего не говоря, закрываю дверь, приваливаясь к ней спиной с обратной стороны.

Вот и настал час икс. Рубинин Владимир Петрович, гендиректор одного из крупнейших холдингов на российском рынке химических удобрений, еще и по совместительству является моим тестем. Понятно, что сейчас начнет промывку мозгов своему нерадивому зятю, а за этим, возможно, последует увольнение. Ведь я обидел его единственную дочь, и не важно, что она не является идеальной матерью, и не важно, что интернет пестрит ее непристойными фото. В то время как я впахиваю здесь по двадцать пять часов в сутки. И поэтому еще удивляюсь, как до сих пор жив и успеваю иногда видеть детей. Конечно же, Петрович меня щадит, дает поблажки: вот и отдельный кабинет у меня, и занимаю я в этой корпорации не последнее место, а являюсь директором отдела сбыта.

Я прошел за стол и, кинув в угол сумку, сел. Достал телефон и зашел в интернет. Нашел нужную страницу и открыл фото в «ВК». Ксюра. Ее день рождения отметили они на славу. Лирика отличилась. Отвращение заполнило все внутри. Девушка лежала на диване, раскинув ноги, а об ее промежность терся полуголый стриптизер. Ксюра сидела рядом, ее взгляд похотливой шлюшки был направлен на парня, а рука застыла на голой мужской заднице.

Гнев и непонимание горячей лавой прокатились по нервам. Пальцы подрагивали, когда нажимал следующий кадр, на котором были похожие позы, только вот теперь руки Лики с огненно-красными длинными ногтями впивались в ягодицы стриптизера. Я нашел их случайно, даже не намереваясь в чем-то уличить потаскушку, это все всплыло само собой. Резко откидываю айфон в сторону и встаю с кресла, оно с грохотом бахается об стену. Выхожу из кабинета и направляюсь к лифту. Пошли нахрен эти гребаные буржуи, сидят в своих клетках под небесами и взирают на все и всех свысока. Нажимаю кнопку лифта, семьдесят шестой этаж. Лифт бесшумно закрывает двери и так же бесшумно скользит ввысь.

Глава 3

– Виктория, ну что же ты такая сегодня неповоротливая-то, а? – Никита сидит за рулем и смотрит, как я пытаюсь залезть в его спортивную машину. – Мне кажется, ты сегодня похожа на неуклюжего бегемота.

Я не смотрю на него, пытаюсь приловчиться, как бы поудобнее закинуть ногу, и не удерживаюсь, падаю на пассажирское сидение, при этом ломая шпильку на новеньких туфлях.

– Ну, ты посмотри на нее, – у Никиты в руках баночка пепси, он от неожиданности моего кульбита опрокидывает ее, и темное пятно расплывается на его белой футболке и светлых джинсах. – Если ты не можешь ходить в нормальной одежде и одеваться, как девчонка, тогда лучше не экспериментировать, – кидает он мне обидные слова и вместо того, чтобы помочь, достает влажные салфетки и начинает оттирать пятна пепси с одежды.

«Придурок», – проговариваю про себя.

– Нет, ну ты вообще нескладуха, Вика, ну как так можно? – не унимается парень, продолжает обзывать. – Первый раз оделась нормально и вот тебе раз, корова на коньках.

Надоело. Снимаю туфли, забираю папку с документами, разрываю немного разрез этой гребаной юбки и встаю босой на асфальт. Спасибо, погода позволяет.

– Ты что? Куда собралась? – обратив, наконец-то, на меня внимание, спрашивает парень. – Ты что, обижаешься собралась? – он выгибает бровь. – Брось ломаться, Вик, я же ничего особенного не сказал. Давай, садись обратно в машину и поехали, нас уже все ждут.

Пока он говорил свой монолог, я уже успела отойти от машины на несколько метров.

– Пошел ты, Никита, – говорю и, поворачиваясь на месте, выхожу на тротуар.

Сволочь, из-за чего он завелся? Пожалел свою футболку или штаны? И чем он так понравился маме? Ведь внутри пустышка, повернутая на шмотках, дорогих игрушках и деньгах папочки. Да, внешне Никита очень крут. Высокий загорелый шатен с прокачанной бицухой, от которой все девчонки курса писаются кипятком, но повезло связаться с ним только мне. За что такая напасть? Обреченно вздыхаю. Конечно, мама не даст согласия на расставание с ним и будет всеми правдами и неправдами убеждать, что это лучшая партия для меня.

– Ну, Вика, ну, извини.

О, неужели, сам царь Никита снизошел до извинения?

«Что за «ну, Вика», – хотелось спросить у него, – запряг, что ли?».

Но я молча продолжала шлепать босыми ступнями по асфальту, наслаждаясь теплом, что отдавала дорога. Вот до сих пор не могу понять, для чего я ему нужна. Вроде и внешность у меня неброская. Не считая, конечно, ярко-рыжей копны, которой так любит восхищаться парень. Ну, да, еще необычный цвет глаз. Природа наградила меня двумя отличительными особенностями. Серебристо-серые. Я даже иногда сама засматривалась в зеркало, наблюдая, как играет цвет радужки в зависимости от настроения.

– Вика, давай уже, садись. У меня плохое настроение просто, и не смог сдержаться, но на тебя тоже не сержусь.

Вот это номер. Я смотрю на него с изумлением.

– Никита, – останавливаюсь я посреди тротуара, – ты вообще охренел?

– С чего бы это? – отвечает вопросом на вопрос парень. – Это же ты виновата в том, что я облился. Ты хоть можешь представить, сколько стоит эта вот футболка? – он берет край и оттягивает, тем самым ненароком демонстрируя свой пресс с восьмью кубиками.

Тьфу, позер.

– Это ты виновата в том, что свалилась на пол и разодрала колени, – он смотрит на мои ноги, а я и забыла, что у меня подраны колготки, – и ты будешь виновата в том, что мы опоздаем в кафе.

Я, я и снова я, конечно, а кто же еще. Он за год, пока мы с ним встречаемся, столько раз назвал виновной меня во все его косяках, что я уже и вправду в это поверила.

– Никита, – недослушиваю его претензии, – иди нахрен.

Ускоряю шаг, не дожидаясь того, когда мне в спину польются опять обвинения, а может, и еще что похуже. Впереди вижу спасительную арку во двор многоэтажки. Нырять туда и вовремя, потому как машина с юзом проносится мимо, и оттуда слышу нелесные словечки, видимо, в мою сторону.

Да пошел он, мудака. Достал. Сажусь на ближайшую лавочку и лезу в сумочку, чтобы найти телефон. Пусто. Не могу поверить, вываливаю содержимое сумочки на колени. Телефона нет. Открываю папку. С надеждой перекладываю бумажки. Пусто. Вот черт, что же делать? Ни один телефон я не помню наизусть. Где же я его могла потерять? Мне этот телефон подарили на день рождения, ему всего-то месяц. Че-е-е-ерт, отец теперь будет орать, как оголтелый. А когда я представила, что к нему еще и присоединится мама, меня пробрала дрожь. Я ссыпала все обратно в сумку. Вот сегодня действительно не мой день.

Да, черт. Что же я и правда сегодня такая растяпа? Сразу встряла по всем пунктам. Поругалась с парнем – раз. Порвала юбку и сломала каблук – два. И самое главное, потеряла телефон – три.

«Ты сегодня превзошла сама себя, – ехидничал внутренний голос. – Вляпалась, так уж вляпалась».

Я стукнула кулаком по лавочке. Взяла целую туфлю в руки. Попыталась сломать второй каблук, но ничего не получалось. Почему? Ведь в кино у актрисы это очень легко вышло. С досадой бросила туфлю на землю. Так, Вика, успокойся. Нужно просто зайти в магазин и купить новую обувь, вот и все. На карточке есть немного денег. Отец каждую неделю переводит небольшую сумму на карманные расходы, а еще и мама помогает, так что у меня подкопилось там денег. Вот где они и пригодятся. Посидев еще немного на лавочке, я решительно встала и направилась к другому выходу из двора.

У арки на меня чуть не налетел велосипедист, но я вовремя отскочила в сторону. Дыхание сбилось. Вот это да. Это все неспроста. Со мной впервые такое. Прохожие оглядывались на меня, и что самое смешное, некоторые даже сторонились. Я хмыкнула про себя.

А ведь я просто иду босиком и в порванных колготках. Мало ли, что со мной случилось. Может, на меня напали и обокрали. А может, попытались изнасиловать. Или сбила машина, а водитель скрылся с места преступления. Абсолютное равнодушие людей поражало. Я задумалась над тем, как бы я себя повела. На этот вопрос я не смогла себе ответить. Просто шла вдоль домов по тротуарной плитке, выискивая глазами подходящий магазин. Но, как назло, ни одного не было. Я даже притопнула ногой.

– Вам помочь? – знакомый голос раздался из-за спины.

Я резко поворачиваюсь на пятках и морщусь от боли. Поднимаю глаза. Передо мной стоит парень из суда.

– Да я даже не знаю, чем, – говорю неуверенно.

– Я могу подсказать, – насмешливым взглядом окидывает он меня, а я свожу недовольно брови. – Например, подвезти до дома, как минимум, а еще, возможно, ты захочешь, чтобы я вернул тебе телефон.

Он изогнул бровь, а его переход на «ты» даже не вызвал во мне никакого отторжения.

– Так телефон у тебя? – в груди тут же затрепетало птахой облегчение.

– Да, ты его, по ходу, выронила с бумажками, – объяснил он. – Так что, пойдем?

Я немного помялась для приличия, все-таки садиться в машину к незнакомому парню не входит в мои правила, но тут полнейшее исключение.

– Угу, – киваю и семеню за ним.

– А почему босиком? – он оглянулся через плечо. – Хотя можешь не отвечать, и сам вижу. Я думал, тебя парень подвезет, ну, тот, качок.

– Он...

Что же ему сказать? Хотя, по сути, я и говорить-то ему ничего не должна.

– Он... Мы с ним поругались, – выпалила собеседнику в спину.

– Ясно. Ну, ничего, бывает.

Мы подошли к тонированному черному джипу.

– Залезешь? – он кивнул на юбку. – Или помочь?

Вот как? Как? Посторонний, совсем незнакомый человек предлагает помощь, в то время как мой парень веселится сейчас с друзьями, бросив меня одну, и только и знает, что сыпать свои обвинения в мой адрес, акцентируя внимание на моей неуклюжести. Мне даже теперь казалось, что она у меня развилась на подсознательном уровне на фоне постоянного недовольства Никиты.

– Так что, справишься? – вопрос парня вырвал меня из задумчивости.

– Ага, да, конечно.

Боже, что я растерялась-то? Подтянула юбку выше, оголяя колени, и теперь разорванный разрез позволял даже задрать ее до середины бедра. Нога на порог, и вот я уже на пассажирском сидении.

– Антон, – проговорил парень.

– А? – уставилась я на него.

– Меня зовут Антон, – повторил он.

– Вика, – на автомате ответила я.

Надо успокоиться, что-то я так разнервничалась, что все слова вылетают из головы прежде, чем сознание пытается их обработать.

– Да, я помню, Вика, – с усмешкой произнес он.

– И что же тут смешного? – не понравилось мне его ухмылка.

– Да нет, я вспомнил, что Виктория означает победу, а у тебя как-то сегодня совсем не сложилось, видимо.

Я опустила взгляд, рассматривая разодранные колготки.

– Да, бывает, но со мной сегодня первый раз такое, – в моем голосе послышались оправдательные нотки.

«Заткнись, заткнись! – кричал внутренний голос. – Зачем ему нужны твои оправдания, он посторонний парень, который...»

А может, стоит и поговорить, ведь навряд ли мы еще увидимся.

– Это все Никита, – начала я.

Антон посмотрел на меня искоса.

– Мне кажется, что он развил во мне комплекс неполноценности, – вот, наконец-то я призналась сама себе.

– Тогда зачем ты с ним встречаешься? – задал ожидаемый вопрос парень.

– Зачем? – я подняла бровь. – Ну, во-первых, он нравится моим родителям, во-вторых, первый парень на курсе, – начала я перечислять видимые достоинства «жениха».

– А еще он, видимо, хороший мудака, если бросил свою девушку в таком состоянии, – Антон перебил все желание продолжать разговор про Никиту.

– Да, именно так, – подтвердила я его подозрения. – У нас сегодня был последний экзамен, и мы с друзьями собирались отметить его в кафе. Ну, а потом я налетела на тебя.

При этих словах Антон полез в карман и достал телефон, протянув мне.

– Спасибо, – я забрала аппарат и сунула в сумку.

– А знаешь, что?

Я посмотрела на парня.

– Предлагаю отметить твой выпускной и мой развод пикником.

– Развод? – переспросила я. – Ты вроде не такой уж и взрослый, чтобы разводиться, – не удержалась от замечания.

– Скажем так, – он подмигнул мне, – у каждого есть скелеты в шкафу, – он это сказал таким тоном, что по спине побежали мурашки. – Ну, так как насчет пикника?

Скелеты в шкафу меня поставили в тупик. И стало не совсем уютно находиться в машине рядом с парнем, который разводится. С другой стороны, мало ли, какие в жизни бывают неурядицы.

– Ну, с такими коленками я вряд ли буду чувствовать себя уютно даже в самой захолустной кафешке, – слабый довод, чтобы отказаться.

– Так я и не говорю про кафе. Можно съездить в Царицыно.

У меня как отлегло от души. Этот парк я очень люблю, мы там часто гуляем с девчонками.

– Согласна, – ответила я. – Только при условии, что заедем домой, и я переоденусь.

– Тогда мы к ночи туда не попадем, – нахмурился Антон.

– Ты, прав, – согласно кивнула я.

– Но нам все равно заезжать за едой, значит, заедем в супермаркет, а там точно есть магазинчики с одеждой. Скажешь свой размер обуви и одежды, я тебе куплю, – парень тут же нашел решение проблемы.

А мои щеки мгновенно вспыхнули. Мне, во-первых, еще ни разу в жизни парень не купил одежду, а во-вторых, господи, да мы ведем себя так, будто знакомы целую вечность.

– Ну, что ты опять молчишь? – уголки его губ поползли вверх. – Это все ерунда, но так мы хотя бы не будем ехать в парк вечность.

Я снова согласно кивнула. А внутри разливалось непонятное чувство тревоги. Или это было что-то необъяснимое, ускользающее от моего внимания, и именно поэтому я это списала на тревогу.

В Царицыно мы добрались ближе к пяти. Спортивный костюм и кроссовки, что Антон принес мне, идеально подошли. Переодевалась я на заднем сидении.

– Тебе идет, – Антон оценивающе осмотрел меня, а я опять залилась румянцем.

– Спасибо, – поблагодарила за комплемент.

– Может, к озеру? – спросил парень.

– Ага, давай, – я достала плед, а Антон взял корзину.

Я посмотрела на него и не удержалась, засмеялась вслух.

– Что? – брови парня взметнулись вверх.

– Да есть ощущение какого-то дежавю, – сквозь смех проговорила я. – Мне кажется, мы знакомы с тобой целую вечность, а ты, – я ткнула в него пальцем, – похож на заядлого семьянина с этой корзинкой. И вот, – вручила ему плед.

А в это время настроение Антона резко скатилось на нет. С губ сползла озорная улыбка, а между бровями залегла неглубокая складка.

– Извини, – я прикусила язык. – Пойдем? – теперь я потянула его за собой.

Сигнализация пикнула, закрывая двери машины, и мы пошли по зеленому коротко скошенному газону к озеру.

Глава 4

Опустошение. Внутри будто все залили черным цветом, и теперь, куда и на что бы я ни смотрел, все окрасилось в черно-белые тона. Лишь первые несколько дней приходили воспоминания о рыжей девчонке в ярко-голубом спортивном костюме, который купил в первом попавшемся магазине спортивной одежды, но и она потом исчезла из моей головы.

Тесть у меня, конечно, оказался «золотым человеком», я его недооценил.

– Здравствуй, зятек! – заявил он мне с порога. – Присаживайся.

Я молча сел в кресло. Поза расслаблена. Мне нечего скрывать, и уличить меня не в чем.

– Жаль, конечно, что все у вас так сложилось с Анжеликой, – свел он густые брови. –

Но лучше развестись сейчас, чем мучить себя всю жизнь.

О, да, хоть в этом мы сходимся.

– С работы увольнять я тебя не буду.

Я удивленно приподнял бровь.

– Хоть Лика и просила, но знаешь, в мире бизнеса нет места личным разборкам, а ты зарекомендовал себя с хорошей стороны, – он посмотрел мне в глаза. – Я, как ты мог заметить, не разбрасываюсь ценными кадрами.

Да, в этом я с ним поспорить не мог, Петрович всегда поощрял инициативных и вперед идущих спецов своего дела, подстегивая их стремление нехилой такой премией.

– Согласен, – решил вставить свое слово.

– Да мне и самому будет спокойнее знать, что ты не будешь уклоняться от уплаты алиментов и не посадишь своих детей мне на шею, а будешь платежеспособным отцом.

После этих слов я, как только вышел из кабинета гендиректора, сразу же направился в отдел кадров и написал заявление.

Полмесяца провел в бреду. Хорошо, хотя бы за квартиру заплатил на несколько месяцев вперед, и с этим не приходилось еще париться.

Днем я пропадал в поисках работы, а ночью... Про ночи не хотелось вспоминать совсем. Кошмары снились постоянно. И во всех итог был один: я просыпался в холодной испарине с осознанием того, что жизнь – это боль, но лучше испытывать эту боль, нежели быть одиноким.

Петрович звонил сам пару раз. И оба эти раза мне пришлось ему популярно объяснять, почему я не буду у него больше работать. Видимо, мужик понял и отстал. Больше не лез ко мне, но только почему-то от этого не становилось лучше.

С сыновьями посчастливилось увидеться только два раза за это время, и то спасибо теще. Она сама позвонила в выходные и сказала, что мальчишки скучают, и неплохо бы навестить их. Я был только за, но не знал, как подступиться. Лика не брала телефон, а с Петровичем общаться и вовсе не хотелось, а вот теще позвонить не догадался, да и не ладили мы с ней особо. Она все считала, что я не подхожу ее Анжелочке ни по характеру, ни по социальному уровню. А тут раз – и позвонила сама.

Я встретил их на площадке. Пакет вкусностей, которые любят пацаны, отдал женщине, а мальчишкам вручил по большому игрушечному грузовику. Потискав мелких, я все-таки нехотя отпустил их играть в песочницу.

– Примирения, значит, не будет? – то ли спросила, то ли утвердила теща, я так и не понял. Посмотрел на нее.

– Ну, это ваша дочь ушла, – напомнил ей.

– Но не просто же так? – ответила она.

– Я не хочу вдаваться в подробности, Инесса Павловна, – я встал с лавочки, но женщина взяла меня за руку и потянула обратно.

– Антон, – начала она, – я же вижу, как ты любишь детей, да и им без тебя плохо. Попробуй помириться с Ликой, – она смотрела на меня глазами, полными надежды.

– Я попробую, – не стал пререкаться с женщиной. На это не было моральных сил.

– Спасибо, – тихо ответила она.

Лике звонил после этого пару раз, потому что тоска по мальчишкам занимала все свободное пространство в груди. Я даже готов был простить ей все те похождения на вечеринки. Но она так и не взяла трубку. Мне казалось, я превратился в тень. Спасибо пацанам, не давали мне сдуться совсем. В начале третьей недели без «семьи» мне наконец-то удалось найти работу. И главное, по профилю. Меня туда взяли без вопросов про «когда-где работал до этого». Испытательный срок сократили с одного месяца до двух недель. Конечно же, я ведь «ценный кадр», в голове, да и не только, куча информации, и главное – наработанная клиентура. Я ломаться долго не стал. Обговорили зарплату, подписали договор, и я впрягся в работу. День у меня заканчивался глубокой ночью, и ее катастрофически не хватало на сон. Но меня все устраивало, потому что с полной загруженностью даже кошмары перестали сниться.

Один раз только пришлось выбиться из графика, съездить подписать документы на развод. Лика была в тот день «неотразима». Темно-синее платье-футляр, неброский макияж и почему-то ярко-красные губы. И те же неизменные длинные красные ногти. Высокий каблук и платиновые волосы, длинными локонами рассыпанные по плечам, но для меня она осталась той же Ликой, что была месяц назад. Я вскользя глянул на нее. Обсудили лишь тот момент, по каким дням я смогу навещать детей, и я без раздумий поставил подпись на бланке.

– Я так и знала, – прошептала она и тоже поставила свою подпись.

– Не понял? – опешил я.

– Мог бы хоть попытаться сохранить семью.

Я уставился на нее, не понимая, что она имеет в виду.

– Что смотришь, как баран на новые ворота? Цветы трудно было купить? – она развернулась и пошла к выходу, а мне ничего не оставалось, как пойти за ней.

– Ты думаешь, если ты позвонил мне три... – он замолчала, – нет, четыре раза, то я должна кинуться обратно туда, где мне совсем не рады?

Я стоял и тупо хлопал глазами, понимая, что она сейчас права, и что я действительно мог проявить инициативу, но видимо, я уже и не хотел, чтобы она возвращалась, потому что...

– Вот теперь я понимаю, что на самом деле ты не хотел, чтобы я возвращалась, – она будто прочитала мои мысли и зло скривила губы. – А мать пыталась убедить меня в другом.

– Ты хорошо выглядишь, – решил я сделать комплемент бывшей жене.

– Пошел ты, Троицкий, нахер, и больше мне не звони. И хочу, чтобы ты знал, – Лика перевела дыхание, – если бы ты сегодня принес цветы и попросил прощения... Ну... может, еще золотой браслет с брюликом... Но теперь это не важно, понял? Я бы тебя простила, а так... – она осмотрела всего меня, – а так – нет. Поэтому теперь я свободная женщина. Чао.

Послала мне воздушный поцелуй и, развернувшись, направилась к двухдверному поршу такого же ядовито-красного цвета, как и ее ногти.

«Тварь».

Я со злостью черкнул носком туфли об асфальт.

«Сука».

Меня захлестнула ярость. Неужели так трудно было поднять трубку? Я сверлил ненавидящим взглядом ее спину. А Лика шла, покачивая бедрами, и даже ни разу не споткнулась. Пусть это и было сейчас малодушно с моей стороны, но я хотел всей душой, чтобы у нее сломалась эта гребаная шпилька, и она трахнулась об этот гребаный асфальт башкой и впала в кому. Злорадство разъедало душу, стоило представить это. До последнего стоял и смотрел ей вслед, до того момента, как она села в порш и, помахав мне оттуда рукой, укатила со стоянки.

«Тварь».

Я сплюнул вслед удаляющейся машине.

Настойчивый звонок телефона разбудил меня среди ночи. Твою мать, почему именно сегодня? Я, как назло, именно сегодня проторчал на работе допоздна и только – взглянул на часы, три ноль-ноль – час назад лег спать. Глаза не хотели открываться. Телефон замолчал, и я, с облегчением вздохнув, перевернулся на другой бок. Но повторный звонок не позволил провалиться в сон, взорвав тишину громким рингтоном. Бля. Нашупал телефон, смотрю на экран. Лика. Внутри почему-то все замерло в ожидании. Нажимаю «принять вызов».

– Антон, Антон, – всхлипы в трубке, и сердце пропустило удар. – Мальчики, они... – новый всхлип, – они...

– Лика, что случилось? – надрывным голосом проговорил я.

– Я не знаю, Антон, им вдруг стало плохо... начали задыхаться, и мы сразу в больницу-у-у... – с разрывами в словах кое-как выговорила бывшая.

– В какой ты больнице? – я уже стоял в дверях и натягивал кроссовки. Сердце в груди отбивало чечетку, а горло перехватывал ледяной страх.

– В центральной. Пока в приемной, – просипела она севшим голосом.

– Я скоро буду, – коротко ответил я и отключился.

Когда выехал, облегченный выдох вырвался из груди – дороги почти пустые, доеду быстро. Нажал на газ.

– Лика! – я окликнул бывшую.

Она стояла, привалившись плечом к крашеной стене. Рядом в креслах сидели Петрович и Инесса Павловна. На мой голос обернулись все, но то, что я прочел в их глазах, мне совсем не понравилось. Страх и неизвестность – вот, что сейчас просачивалось в мое сердце.

Лика сделала шаг на встречу.

– Антон, – она схватила меня за локоть, – врач спрашивал, были ли какие-нибудь наследственные заболевания по линиям обоих родителей, – ее пытливый взгляд пытался найти на моем лице ответ.

– Ты о чем? – не понял я.

– Лика, – Инесса Павловна вмешалась в наш разговор, подошла к нам, – иди, посиди и успокойся.

Лика глянула на меня, но, не увидев моих глаз, видимо, поддержки, села рядом с Петровичем.

– Доктор интересовался наследственными заболеваниями. В твоей семье были какие-нибудь заболевания? Наследственные, – проговорила она с паузой. Видимо, чтобы до меня дошло.

И до меня дошло, но сказать толком я ничего не мог, потому что не знал, или не помнил. Как объяснить то, что смерть родителей провела толстую черту в моей жизни, разделив ее на до и после трагедии? И то, что было до, в буквальном смысле стерлось из моей памяти напрочь, оставив лишь образы в сердце.

– Я не знаю даже, – проговорил я.

Женщина глубоко вздохнула и вернулась к семье, а я так и остался стоять посреди больничного коридора. Чужой. Я понял, что всегда был чужаком в этой семье.

– Тогда будем ждать диагноза, – вздохнул Петрович, даже не взглянув в мою сторону.

Ну, что же, так, значит так. Я прошел к стоящему в противоположной от меня стороне кофейному аппарату и, закинув мелочь, нажал на «Латте».

Глава 5

– Мапочка, – обратился к Лике пожилой худощавый мужчина, – в который раз вам повторить, что с детьми нужно остаться в больнице? Мы вас госпитализируем.

– Мам? – Лика повернулась к Инессе Павловне. – Мам, ну я не хочу в больницу ложиться. В глазах женщины мелькнула ледяная сталь.

– Извините, – обратилась она к доктору и, взяв дочь за локоть, оттащила ее в сторону. – Слушай меня внимательно, Анжелика, – зашипела она Лике на ухо, глянув при этом в мою сторону.

Я отвернулся и сделал вид, будто мне совсем не интересно, о чем они разговаривают, обратил свой взгляд на доктора.

– Ты нас не позорь, – продолжила она укоризненно, – это твои дети, и ты с ними ляжешь в больницу на столько, на сколько потребуется. И не смей так вести тебя. Ты же мать.

Я про себя хмыкнул. Видимо и дома она дает жару.

– Доктор, а что случилось? – я сделал шаг в сторону мужчины.

Он оторвал взгляд от бумаг, которые теребил в крючковых пальцах.

– А вы, собственно, кто? – посмотрел он на меня поверх опущенных на нос очков.

– Ну, как бы с утра был отец мальчиков, – хмыкнул я.

– О, ну это же отлично. Мы так подозреваем, что у них бронхиальная астма, но, чтобы удостовериться, – доктор перевел взгляд на тещу и Лику и повысил голос, – нужно сдать ряд анализов, которые точно покажут причину удушливого кашля. И с этим шутить никак нельзя, – он посмотрел мне в глаза, – надеюсь, вы понимаете.

Я активно закивал головой.

– Кстати, а вы не знаете, по вашей семейной линии была ли у кого аллергия или та же самая астма? – испытующий взгляд глаз цвета мокрого асфальта застыл на моем лице.

– Я точно не помню, – задумался, вытаскивая из памяти картинки шестилетней давности, но в голове было пусто. – Нет. Не помню.

– А у вас? – не сдавался врач.

– У меня точно нет, – уверенно сказал я.

– Мапочка! – крикнул мне через плечо доктор, вновь обращаясь к Лике. – Давайте уже поторопитесь, вы же не одна здесь, мне еще к другим деткам нужно, – и уже ко мне: – Вы можете помочь поднять детишек на этаж?

Я согласно кивнул. Инесса Ивановна и Петрович остались внизу, а Лика, опустив плечи, поплелась следом за мной. Мы зашли в кабинет.

– Папа, – в один голос проговорили пацаны, сидевшие под присмотром медсестры на кушетке.

Я тут же подхватил их на руки, и детские ручки обвили мою шею.

– Тоня, – обратился врач к медсестре, – там за дверью остались родители мамочки, сходи, объясни, что им нужно привезти завтра. Так, а вы присаживайтесь, мамочка, – он указал Лике на стул рядом с письменным столом, за который прошел сам. – Начнем заполнять анамнез.

Он плюнул на пальцы и, растерев их между собой, перелистнул страницу медицинской карты формата А4, начал писать.

Две недели спустя.

– Боже, наконец-то этот ад закончился, – выдохнула Лика, когда мы вышли из здания больницы. – Я думала, сойду с ума здесь, – она глянула на меня, ища поддержки.

Я этот взгляд поймал боковым зрением, но в это время полностью был занят мальчишками, которые все норовили высвободить свои пухленькие ладошки из моего плена и побегать по детской площадке, которая была недалеко от центрального входа.

– Отпусти их, – проговорила Лика. – И так сидели взаперти две недели, пусть хоть поиграют.

Она растягивала слова и при этом старалась показаться заботливой матерью, а сама тем временем уже активно переписывалась с кем-то по телефону.

– Лика, – позвал я.

Она скользнула по мне быстрым взглядом, тем самым дав понять, что слышит меня, и снова уткнулась в телефон.

– Я не успел на обход, что сказал врач?

– Ой, ну что я, помню, что ли? – она поморщила нос. – В сумке лежит папка с выпиской, посмотри сам.

Я подхватил сумки и пошел к детской площадке, где мальчишки уже вовсю развлекались, катаясь на каруселях и с визгом скатываясь с горок. Поставил сумки на лавочку и достал папку. Открыл выписку. Пробежался глазами по написанному.

Анализы, анализы, самому не разобрать, это точно. Ага, вот и диагноз: «бронхиальная астма». В голове прокрутил эти два слова, и мне они совершенно не понравились. Все-таки подтвердились предположения врачей.

– Лика, – снова позвал бывшую.

– Что, Антон? Что?

Я не понял, отчего и в какой момент она начала раздражаться.

– Что говорил врач? – настаивал я на своем, хотя прекрасно видел, что она не в духе и не намерена отвечать на мои вопросы.

– Я. Не. Помню, – медленно проговорила она, делая акцент на каждом слове.

– Ты реально дура или притворяешься? – вскипел я, и она выпучила глаза. – Ты что из себя корчишь? Я тебе задаю нормальные вопросы, на которые в твоей башке должны осесть хоть какие-то ответы, – я перешел на шипение, стараясь не привлекать внимание посторонних.

– Ты вообще охренел? – наконец-то она отложила свой гребанный телефон. – Я в тебе, видимо, вызываю неадекватную реакцию, что ты на меня кидаешься, как зверь какой-то? – она перевела дыхание. – Тебе что, по буквам прочитать диагноз надо? Ты что, плохо видишь? Почему ты требуешь с меня ответ, хотя он лежит у тебя на коленях? Отвали, понял?

Я гулко глотал воздух, стараясь успокоиться и держать себя в руках. У меня это не особо выходило.

– На, – кинул ей файл, – почитай и объясни тупому, что там написано.

Она схватила листок и ткнула мне его обратно.

– Вот отнесешь его завтра участковому педиатру и спросишь. И в последний раз говорю. Отвали. С тобой домой не поеду, – ее глаза сверкнули злостью. – Привезешь мальчишек сам.

Она развернулась и быстро пошла к воротам.

Догнать, придавить, задушить эту тварь – вот чего мне хотелось сейчас. Разве можно так делать?

– Здравствуйте, Анна Владимировна, – заглянул я в дверь к участковому врачу, – можно?

– Да, да, проходите.

Я подхватил мальчишек на руки и шагнул в кабинет. На работе пришлось взять отпуск без содержания на несколько дней, сославшись на то, что бывшая жена заболела, а детей не с кем отправить в больницу. Надо отдать должное директору Виктору Борисовичу, вошел в положение и отсыпал мне еще пару дней сверху.

– Слышала, вы в больнице лежали. Принесли выписку? – поинтересовалась женщина.

В ответ получила от меня утвердительный кивок и протянутый листок.

– Да вы присаживайтесь, Антон, – она указала на стул и взялась внимательно изучать документ.

С каждой секундой ее ровные выщипанные брови хмурились все сильнее.

– Н-да уж, – протянула она.

И этот ее тон мне совсем не понравился, холодная змея нехорошего предчувствия скользнула по позвоночнику.

– Что вам сказали в больнице? – она посмотрела на меня выжидающе.

– Жена сказала, что все написано в выписке, – выпалил я и при этом успел покрыться испариной.

Что за вопросы? Откуда я могу знать? И в который раз выругался самыми последними словами в сторону Лики. Эта сука опять не ночевала дома, а Инесса Павловна очень спешила по своим делам, и детей технично скинули на меня.

– Соглашусь. Действительно написано, но знаете, многие врачи дают еще и устные рекомендации, – она кивнула, и вновь ее взгляд приковался к бумаге. – Вы читали рекомендации?

– Нет, – сказал я правду.

Какие рекомендации? Я вчера был на таком взводе, что еле сдерживал гнев, и когда мальчишек привез к теще, даже не стал заходить.

Но с утра меня ждал новый сюрприз – поездка в поликлинику.

– Смотрите, – вырвала меня из раздумий врач, – они нашли аллерген, который вызывает реакцию в легких, и это, как ни банально будет звучать, газы, которыми наполнен городской смог. И как следствие этого, – она выдержала секундную паузу, обвела наше семейство взглядом, улыбнулась мальчишкам, – вам нужно будет переехать в пригород, а лучше в деревню, подальше от городского смога, дабы избежать повторного приступа удушья. Это опасно.

Очень интересно. Если это опасно, то как же тогда в деревню? Там же нет больниц, а если вдруг приступ случится все же, куда ехать-то? Я поделился с доктором своими опасениями.

Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди.

– Антон. Я же вас не заставляю ехать в глушь, – вздернула она брови. – Сейчас, между прочим, очень во многих селах развита инфраструктура. Поверьте, там тоже есть больницы и поликлиники, и есть доктора, хорошие доктора, – зачем-то уточнила она, видимо разглядела в моих глазах сомнение, – которые уезжают по распределению именно в сельскую местность, – она снова взяла выписку. – И мой вам совет, смените хотя бы на время место жительства, так будет лучше для малышей. Есть еще вероятность, что они перерастут эту болезнь.

Мне оставалось только кивать в ответ, а у самого внутри все пульсировало в предчувствии истерик Лики. Куда она поедет? Да она все ногти себе погрызет, но с места не двинется. Забрав рекомендации врача и список лекарств, которые теперь непременно должны находиться в аптечке, я вышел из кабинета.

Я сидел на большой кухне и пил чай. Мальчишки крутились возле меня, а за закрытыми дверями кабинета Петровича шла ожесточенная беседа между Ликой и родителями. Она пыталась убедить предков, что мы специально все подстроили и хотим запереть ее у черта на куличиках, а все доводы, что пытались до нее донести родители, она отметала, не желая признавать всю серьезность ситуации. После получасовых уговоров первым не выдержал Петрович. Он вышел из кабинета и громко хлопнул дверью. Мальчишки, испугавшись, тут же юркнули ко мне на колени. Мужчина молча зашел на кухню, лицо его пылало жаром. Он достал из бара коньяк и плеснул себе в стакан.

– Ищи подходящее место, – сказал, не глядя на меня.

Я молча ждал продолжения. Он налил еще и одним глотком выпил содержимое. Через минуту он, до этого напряженный до предела, немного расслабился.

– И лучше ищи участок, дом построить на нем я помогу. Нечего внукам шлаться по вторжилью, – он посмотрел на нас. – Будут дышать старьем еще. Не допущу этого.

Четыре месяца спустя. Зарайск.

Я припарковался рядом с большим коттеджем. Строители уже почти завершили работы. Осталось заменить забор.

– Антоша, привет, дорогой.

Я оборачиваюсь на женский голос.

– Доброе утро, тетя Валя, как дела?

Жена крестного улыбалась искренне и открыто.

– Все хорошо. Пойдем в дом, чаю попьем, – предложила женщина.

– Да я хотел сначала посмотреть, как там идут дела на участке, и уточнить сроки, когда ребята заканчивают.

– О, ну тогда конечно, конечно. Ты потом заходи, а я пойду пока скажу Мише, что ты приехал, – она снова улыбнулась, и как-то даже на душе посветлело.

– Спасибо, тетя Валь, – я кивнул женщине и зашагал к временным воротам. Проходя мимо работяг, остановился. – Мужики, а где бригадир.

Они переглянулись.

– Да в бытовке за домом, – проговорил один из них и дальше принялся укладывать тротуарную плитку.

Я вдохнул свежий воздух полной грудью. Кто бы знал, что так все выйдет, что вернусь снова сюда. Хотя и не надеялся на это совсем.

Участок отца, доставшийся мне в наследство, пришелся как нельзя кстати, и с дядей Мишей, братом отца, я после смерти родителей так и не увиделся ни разу. Слишком ярко и больно было вспоминать о прошлом. Поэтому дорогу сюда хотелось забыть, стереть из памяти, но все вышло по-другому.

А спустя столько лет боль, оказывается, все-таки притупилась, и теперь наоборот тянуло поближе к родным и близким людям. Вспомнился тот день, когда я переступил порог дома крестного. В его глазах даже появились слезы.

– Антоха, как ты похож на отца. Валька, посмотри, кто приехал! – радостно крикнул он в окно, выходящее во двор дома.

Тут же, спустя пару минут, показалась тетя Валя и – я не мог поверить – Пашка, двоюродный брат, который вытянулся за это время и стал здоровым «лбом».

– Антоша, мальчик ты наш, – запричитала женщина, – ну, как же так, как же так, – она подошла, обхватила меня руками и прижалась всем телом.

А меня окатило материнским теплом, и в груди сердце забилося с такой силой, что казалось, пробьет ребра.

– Здорово, брат, – ко мне подошел Пашка, – рад, что ты приехал.

Женщина отошла на шаг назад, и мы обнялись с Пашкой по-братски. Я так и прочувствовал на себе, как возмужал пацан.

– Спасибо, – прохрипел осевшим от эмоций голосом. Пришлось даже прокашляться. – Хочу вернуться, – без всяких предысторий сообщил я, глядя крестному в глаза.

– Я рад, – ответил он, и в глазах его я не увидел и намека на что-то обратное. – Твой дом ждет тебя.

Это потом, спустя время, мы поговорили, как полагается. Я рассказал родным, что у меня случилось, и почему придется переехать в Зарайск.

В следующий раз, когда я приехал с прорабом и бригадой рабочих, на участке почти сразу началась бурная строительная деятельность.

– Антон Романович! – окликнули меня.

Я посмотрел на бытовку. На пороге стоял бородатый бригадир.

– Доброе утро, – он сделал шаг навстречу и протянул руку.

Я пожал ее.

– Как дела, Олег Дмитриевич? – спросил в ответ.

– Все отлично, – он оглянулся. – Еще неделька, и можете переезжать, – сообщил радостно. – Хотя думаю, в дом уже сейчас можно завозить мебель, – он посмотрел на молочные стены коттеджа. – Малярные работы закончены, так что внутри все готово, осталось малость привести в порядок приусадебное хозяйство.

Я кивнул.

– Отлично, вы меня порадовали. Покажете? – спросил мужчину.

Два часа спустя я уже мчу по трассе домой. На самом деле, я в предвкушении. Новая работа радовала еще и тем, что за эти месяцы, наладив и связав в прочный узел все контакты и с поставщиками, и со сбытом, я мог теперь работать удаленно и лишь иногда заглядывать в офис для отчетности. Директора это полностью устраивало. Теперь и к зарплате еще прилагались проценты, что было немаловажно, потому как строительство дома обошлось в кругленькую сумму. Я все же смог извернуться и отказать от помощи тестя, взяв у него деньги в долг. И теперь хотел побыстрее расплатиться с Петровичем, чтобы он не имел возможности как-то влиять на нашу с мальчишками жизнь.

– Фу, какой отстой, – Лика все больше менялась в лице по мере приближения к дому. – Как тебе вообще пришла в голову мысль забраться в такую глушь? – она резанула меня злым взглядом. – Что я тут буду делать?

Я молчал.

– Тут хотя бы интернет есть? – не сдавалась она.

– Представь себе, есть, – с сарказмом ответил ей. Не смог сдержаться.

– И на том спасибо, – проговорила она и уткнулась в синий экран.

– Му-му, – слышалось с заднего сиденья.

– Да, Лешка, ты угадал, – весело ответил я сыну, – а у бабушки Вали есть еще и козочка.

Последовал колкий взгляд Лики.

– Ага, и хрю-хрю, – мерзкая ухмылка скривила ее губы.

– А еще есть собачка, – проигнорировал я ее выпад.

За этим разговором с мальчишками мы плавно подкатили к автоматическим воротам. Лика оторвалась от экрана.

– Нихеровый домик отстроили, – протянула она.

– С выражениями потише, – упрек в моем голосе был очевиден.

Лика посмотрела в мою сторону и сделала вид, что не слышит и не видит меня. Ее взгляд плотоядно пожирал высокие молочные стены коттеджа, что виднелись из-за высокого забора из красного кирпича. Я нажал на кнопку, и рольставень автоматических ворот медленно пополз вверх, освобождая заезд во двор.

– Так, нужно устроить новоселье, – Лика металась по дому, как электровеник.

– Нет, – коротко ответил я ей.

– Что значит «нет»? – подбоченилась она и надула и без того пухлые губы.

– А то и значит.

Взгляд девушки мгновенно вспыхнул ненавистью.

– Это наш дом, – прошипела она, – и я здесь такая же хозяйка, как и ты.

– Ошибаешься. Дом оформлен на меня, – отзеркалил я.

Ли́ка смотре́ла на меня и пережевывала услышанное в течение нескольких минут, все это время мальчишки носились с визгом взад-вперед по просторному холлу.

Еще две недели спустя.

Стук в дверь. Через несколько минут на пороге появляется женщина. В удивлении ее брови поползли вверх.

– Здравствуйте, тетя Валя? – спросила девушка.

– Да? – тем же тоном отозвалась женщина.

Девушка кивнула в ответ.

– Я жена Антона, – продолжила она, и теперь уже женщина кивнула. – Вы не могли бы посидеть с детьми несколько часов? А то ко мне брат приехал, и хотелось бы с ним в кафе съездить, – она умоляющим взглядом больших голубых глаз посмотрела на женщину. – Всего пару часиков, – свела указательный и большой пальцы подушечка к подушечке, говоря этим жестом: «чуть-чуть».

– А что же сейчас, с кем мальчишки? – женщина засуетилась, засобиравлась.

– Спят, – бросила девушка через плечо, выходя за низенькую калитку.

«Фу, ну и отлично. Уже сил нет сидеть в этом богом забытом месте», – радость переполняла девушку, и, если бы не эта противная тетка, что сейчас смотрела в спину Ли́ки, она бы вприпрыжку бросилась к припаркованному красному кабриолету, что стоял на подъездной дорожке возле автоматических ворот коттеджа.

«Владик», – в груди сверкнула вспышка нежности к молодому человеку, что сидел за рулем, вальяжно раскинув руки в разные стороны.

В его солнечных очках отражалось довольное лицо девушки. Ли́ка, открыв дверцу, запрыгнула на переднее сидение. Парень тут же подтянул ее к себе и впился в губы страстным поцелуем. Девушка не сопротивлялась. Лишь когда парень ее отпустил, стукнула его ладошкой по груди и кивнула в сторону родственницы Антона. Женщина увидела, что на нее обратили внимание, и быстро спряталась за высокой воротинкой.

– Кто это? – послышался голос с заднего сиденья.

– Ой, Ксюр, ну кто-кто? Конь в пальто. Тетка Антона. Влад, долго еще будем стоять? – она обворожительно улыбнулась парню. – Хочу веселиться!

Машина плавно съехала с дорожки и, набирая скорость, помчалась прочь от коттеджа, оставляя за собой шлейф из девичьего смеха.

Глава 6

– Мне стыдно, что у меня такая дочь! – отец кричит так громко, что мои плечи сами по себе опускаются, а тело, словно в попытке защититься от его нападков, скукоживается на стуле.

– Леша, потише, – спокойный голос матери можно было и не услышать сквозь отцовский рев, но, как ни странно, он его всегда слышал, как, собственно, и я. – Соседи услышат, – добавила она, когда отец взглянул ей в лицо.

– Что «поттише»? Что «поттише»? Вон, доуговаривала меня? А теперь приходится из опорных пунктов забирать! Надо было в детстве почаще ремня давать, а теперь, видимо, уже поздно, – голос отца, сначала на тон снизившийся, снова стал повышаться. – И ладно бы пацан был, ну, тут можно понять, но ты, – он ткнул в меня пальцем, – ты же девушка, Вика! – он тяжело вздохнул.

– Пап, – начала я.

– Нет, Вика, я устал, завтра погорим. Света, сколько времени?

Мать тут же посмотрела в телефон, а отец, тем временем, на наручные часы.

– Два, – мама укоризненно глянула на меня.

– Два ночи, – обреченно вздохнул отец. Да так театрально закатил глаза, что я еле сдержала улыбку.

– Тогда я пойду? – проямлила голосом, полным осознания того, что сделала сегодня самую большую ошибку в своей жизни.

Всегда срабатывало.

– Конечно, иди, – ответил отец.

Сработало и в этот раз. Я встала и направилась к выходу.

– Совсем от рук отбилась, – это уже отец говорил матери, – с Никитой хотя бы спокойной была, а тут, – громкий вздох. Специально сделан громко, чтобы слышала я. – Одни разочарования.

Я захлопнула дверь в кабинет отца. Зашла в ванную, выплюнула уже давно безвкусную жвачку, закрыла на замок дверь и включила теплую воду. Посмотрела на себя в зеркало. Да уж. Бывали, конечно, деньки так себе, но этот, видимо, захотел переплюнуть их все. Из отражения на меня смотрела девушка с густо подведенными черным карандашом глазами. Бледный цвет лица и розовая помада на губах до сих пор держались, а вот рыжие волосы выбились из туго заплетенного хвоста с черными искусственными волосами.

Я покачала своему отражению головой и плеснула в лицо первую пригоршню воды. За ней последовала вторая, третья, и так до тех пор, пока от размазанных разводов под глазами не осталось и следа.

Я скинула прокуренные вещи и залезла под душ. Воду сделала погорячее. Мочалка с гелем для душа мне в помощь. Терлась до покраснения кожи. Хотелось смыть с себя сегодняшний вечер и не вспоминать его никогда.

Возможно, отец и прав, зря рассталась с Никитой. Хотя он и самовлюбленный эгоист до кончиков своих ухоженных ногтей, но с ним все же было лучше, чем сейчас. В голове набатом застучала нехорошая мысль, но я быстро задушила ее, переключив теплую воду на ледяной душ.

Отец разочарован, мать, скорее всего, тоже, да и я сама себе не рада.

Кости заломило от холодной воды, и я пулей вылетела из душевой кабинки, замоталась в банное полотенце и выглянула из-за двери ванной в коридор. Убедилась, что там никого нет, и мышью прошмыгнула в комнату. Залезла под одеяло и закрыла глаза.

Тело прошиб озноб. Я закусила нижнюю губу, чтобы зубы не бились друг об друга. Накрылась одеялом с головой. Зажмурила сильно глаза.

Бес. Сука. Ненавижу. В мысли тут же вторглись образ и голос молодого парня.

Модно стриженные волосы под боб-каре¹, длинная челка непременно расчесывалась пятерней и запрокидывалась назад. Голубые глаза. Тонкий нос. Чуть пухлые губы, уголки которых всегда приподняты в хамоватой улыбке, маленькая родинка над верхней губой. И в этот вечер настойчивый шепот мне в ухо.

– Давай, детка, попробуй, – приятный запах сигарет, и глубокая затяжка едкого дыма опаляет мои легкие. – Держи, держи, – он зажимает мне губы двумя пальцами и контролирует мое дыхание.

На моих глазах появляются слезы, и парень разрешает сделать выдох.

– Вот и молодец, – в его зрачках пляшут озорные бесята. – Еще разок?

Я отрицательно качаю головой и вжимаюсь спиной в трубу рядом стоящего турника. Бес делает шаг ближе, и мятный запах жвачки забивает мое дыхание.

– Вика, расслабься, – мягкий голос проникает в мою голову, словно через слой ваты.

Сначала не поняла, что происходит, почему вдруг все стало таким тягуче-вязким. Подняла взгляд на парня и утонула в омуте его голубых глаз.

А Бес тем временем не стоял на месте, сделал шаг назад и кивком головы подозвал еще ребят из компании. Мы встали в круг. Огонек зажигалки и подкуренная сигарета пошла по рукам. Я только успела сделать затяжку, как на школьный двор заехал полицейский бобик. Нас на миг осветили фары, и ребята врассыпную бросились убежать. А я? Что я? Я так и осталась стоять на месте. Страх. Паника. Все это сразу накатило на меня, и я застыла на месте, мои ноги словно вросли в землю.

– Беги, Вик! – крикнул кто-то из темноты, следом послышался громкий «ох», и я только попыталась сделать шаг, как передо мною возник мужчина в полицейской форме.

– Вот и допрыгалась, – он грубо схватил меня за шиворот и потащил к машине.

Я даже и не думала сопротивляться, так как сил ни в руках, ни в ногах не было совсем.

Я повернулась на другой бок и снова попыталась выбросить воспоминания сегодняшнего вечера из головы, но куда там. Такое явно забудется не сразу.

Нас шесть человек, и мы, тесня друг друга, сидим в заднем отсеке Уаза.

– Вика, у тебя глаза стеклянные, охренеть, как у мертвеца, – смеется Коля, что сидит напротив меня. – Сейчас, – он достает из внутреннего кармана джинсовой куртки бутылочку воды. – На, пей, – сует мне в руки пластик.

Я отрицательно покачала головой, но, когда парень протянул бутылку, поняла, что очень хочу пить, и практически выдрала ее из пальцев Коли. Залпом осушила содержимое.

– Вот это тебя вшторило, – просипела на ухо Марго прокуренным голосом.

– Разговорчики отставить, – послышалось из-за решетки, что отделяла нас от ППС-ников, которые сидели на заднем сидении.

– Да пусть поговорят, Мих, – послышался мужской голос с соседнего сидения. – Вот приедем в отделение, посмотрим, какие там они будут разговорчивые.

– Напугали, – прошептала все та же Марго, – ну вызовут родоков, и что дальше?

Я пожала плечами, но тот факт, что вызовут родителей, меня реально ввел в ступор.

– Что курила?

¹ Классическое исполнение производится на пряди средней длины. Затылочная часть делается пышной, а челке и локонам на височной области придается художественный беспорядок. При этом локоны спереди подстригаются по косой и небрежно падают на лоб.

Я сижу напротив мужчины, его взгляд прожигает меня насквозь, и мое тело трясется от страха.

– Сигареты, – отвечаю я.

Громкий смех взорвал тишину кабинета.

– А если серьезно? – сквозь слезы, что проступили на его глазах, спрашивает мужчина.

– Так я вам и говорю серьезно, – пытаюсь я придать своему голосу уверенности.

– Павлова Виктория Алексеевна, дочь депутата Павлова Алексея Степановича, – его взгляд меняется, становится жестче, и теперь в нем нет и намека на веселье. – Вы понимаете, что бросаете тень на имя своего отца? Так и представляю заголовки завтрашней желтой прессы: «Пока отец борется с наркотиками, его дочь во всю их употребляет». Или вот еще...

– Хватит, – прервала я мужчину. – Я же вам говорю, что курила сигареты. Почему вы мне не верите?

– А что в сигаретах было вместо табака, Виктория? – ответил вопросом на вопрос полицейский.

Я пожала плечами.

– Тогда сейчас вас проводят в соседний кабинет, там возьмут кровь на содержание в ней наркотических веществ, и все сразу станет ясно. Свободны, – он кивнул мужчине с автоматом, и меня вывели из помещения.

Я потеряла место укола на сгибе локтя. Отец с матерью приехали за мной спустя минут двадцать после того, как я сдала кровь. В полицейском участке родители на меня не кричали и не повышали голос, и даже когда мы покинули опорный пункт, отец и мать сохраняли молчание. Меня это начало пугать.

– Пап, мам, – позвала я с заднего сидения, – извините.

Мне никто из них не ответил. Я понимала, что это призрачное затишье перед бурей. Всегда импульсивный и не признающий неповиновения отец просто не мог оставить этот мой проступок без внимания.

И эта буря разыгралась, как только мы переступили порог квартиры.

– Зайди в кабинет, – скомандовал отец, и в его голосе я слышала еле сдерживаемую ярость.

Я закрыла уши руками. Такое ощущение, что до сих пор слышу его гневные и обидные слова, сказанные в мой адрес. Спать, нужно поспать, а завтра все встанет на свои места. Еще раз попрошу прощения у родителей, потому что и сама прекрасно осознаю, что сделала ужасную глупость, но на это же не смертельно? И скорее всего, с компанией Беса придется распрощаться. А то я сделаю не только себе хуже, но и ребятам. Отец теперь не оставит их в покое, пока не докапается до правды. Нет, мне точно теперь туда дорога заказана. Я тяжело вздохнула.

«Спать, спать, спать», – повторяю про себя, чтобы хоть как-то избавиться от навязчивых мыслей, которые лезут в голову, словно стая обезумевших тараканов. Пробираясь сквозь барьеры слов, что я беспрестанно проговаривала про себя, меня все-таки накрывает сон.

Кошмары преследовали всю ночь, и выспаться мне так и не удалось.

Утро. Я встала разбитая и подавленная. Мир окрасился в серые краски. Голова тяжелая, а тело будто налито свинцом. Захожу на кухню и застываю на пороге.

– Доброе утро, – говорит мать, и отец поворачивается ко мне. Его серые глаза впиваются в мое лицо.

Я опустила взгляд в пол, а щеки тут же запылали огнем. Стыдно. Я готова была провалиться сквозь землю. Так опозориться перед родителями. И что на меня вчера нашло? Видимо,

хотелось наконец-то себя почувствовать свободной или самостоятельной. Отделаться от чувства родительского гнета.

– Садись, чего застыла, – голос отца вырвал из размышлений.

Меня словно придавило к полу. До сих пор не могу понять, почему даже голос отца действует на меня таким образом, что теряю всю волю, весь боевой дух и запал. Чувствую себя ребенком. Хотя мне уже девятнадцать, и могла бы ответить и даже послать его, но теперь понимаю, что навряд ли у меня это когда-либо получится сделать. Я слишком слаба.

Мать сидела, как всегда, ровно, будто вытянутая по струнке. Уложенные в идеальную прическу волосы, минимум макияжа, и, конечно же, неизменно деловой костюм, ровно подогнанный по фигуре.

– Я всю ночь думал о том, что произошло вчера.

«Вот оно как».

От стальных нот в его голосе мороз по моей коже разбегается от позвоночника во все стороны, поднимая волну противных мурашек.

– И знаешь, что?

Я посмотрела на отца и не увидела в его глазах ничего. Только лишь безразличие и пустота плескались на дне серых глаз. И это меня еще больше напугало.

Отрицательно мотаю головой и чувствую, что отец задумал какой-то подвох.

– Вот и я сам не знаю, Вика, – его плечи опустились, и он откинулся на спинку стула.

Этого не может быть, я смотрю на него во все глаза. Отец нарушил правило «никакой вальяжности за столом». Покушал. Убрал посуду и свободен. Военная закалка деда не давала и мне покоя, а стоит расслабленно расплзтись по стулу, и можно смело отправляться «под трибунал».

– Ты уже взрослая девочка, да и женихи уже есть, и как-то будет странно смотреться, если я тебя поставлю в угол или дам ремня, хотя поверь, руки у меня ой как чешутся отходить тебя дедовским ремнем, чтобы ты выкинула все эти дурацкие мысли у себя из головы.

Его голос звучит вроде и ровно, но я-то слышу в нем скрытую угрозу и не сомневаюсь, что он может выполнить эту угрозу.

– Леша, – голос матери прозвучал спокойно и уравновешенно, – ты обещал только поговорить.

– Света, а я что делаю? – он удивленно посмотрел на жену. – Ты даже не представляешь себе, какого труда мне стоит сдержаться и не выпороть ее.

Я сжалась в комок.

«Мама, мамочка, спасибо тебе», – возносила я благодарность женщине, что сидела напротив меня.

Потом я взглянула из-под опущенных ресниц на отца и только сейчас поняла, насколько ошибалась, думая, что мужчина расслаблен. Видимость, что отец создал, дабы усыпить мое восприятие происходящего, а еще рассеянное внимание, отголосок вчерашнего баловства и неспособность сконцентрироваться могли бы сейчас сыграть со мной злую шутку. Для отца хватило бы одного резкого слова или дерзкого взгляда, и все, пиши пропало. В руках точно появился бы дедовский ремень. И думаю, что обещание, которое он дал матери – не трогать меня – было бы забыто мгновенно. Хорошо, что я вовремя осознала все.

«Поэтому, Вика, закрой свой рот и слушай. Если не хочешь, чтобы на твоём теле, а точнее, на пятой точке появились синяки».

Рука у отца, как и дедовский ремень, ой какие тяжелые.

– Значит так, – локти мужчины уперлись в столешницу, а я сразу подметила, что это тоже недопустимо. – Хватит ломать комедию, мне уже давно нужно быть на работе, – этот тон, не терпящий возражений и подавляющий человека, к которому он обращен. – Это был первый и последний раз.

Я кротко кивнула, боясь лишним движением спровоцировать отца.

– Еще раз выкинешь такое, поедешь в клинику для наркоманов. Все понятно?

Я снова кивнула, а перед глазами тут же пронеслись картинки с этой самой клиникой, и жуткий страх сковал мышцы живота. Неужели он и правда сможет отдать меня? Украдкой взглянула на мужчину. Твердый, холодный, решительный взгляд серых глаз говорил о том, что да, свое обещание он точно выполнит. У меня от напряжения свело скулы.

– Твои летние каникулы...

«Нет, нет, нет...»

– ...отменяются.

«Не-е-е-ет. За что же ты так со мной?» – хотелось кричать ему в лицо так громко, насколько хватит голоса. Я же сдала с отличием все экзамены и планировала эту поездку, а точнее, экскурсию чуть ли не с начала года.

– Я поняла, – убитым голосом проговорила я, пререкаться не имело смысла.

– И еще. Покупка машины для тебя...

Сердце пропустило удар. Мог бы и не говорить, я все и так прекрасно поняла.

– ...откладывается до лучших времен, – он все же решил добить меня, сказав это вслух.

Я и не настаивала на том, чтобы мне купили машину, но родители в середине зимы сами предложили купить мне автомобиль, и я, конечно же, загорелась, потому как реально понимала, что времени на дорогу уходит уйма.

– Я поняла, – опустила я голову ниже.

– Ты подорвала наше доверие к себе, – голос отца все еще звучал ровно, – и пока... – он сделал паузу, – все останется как есть. Хотя...

Внутри после этого слова вспыхнула маленькая искорка надежды, и я даже осмелилась поднять глаза. Отец смотрел на мать, ее губы тронула загадочная улыбка.

– Ты давно не была у бабушки.

Вспыхнувшая искра тут же погасла и превратилась в пепел.

– Поэтому едешь к Лизавете Федоровне на все лето.

Я снова опустила глаза в стол, от обиды на глаза навернулись слезы.

– А что, Вика, прямо как в детстве, – сказал он с издевкой в голосе. – Ну, что ты, дочка, не грусти, – он встал из-за стола и, проходя мимо, погладил меня по голове и поцеловал в макушку, придерживая руками мою голову и надавливая чуть сильнее, чем нужно было, – и смотри, никаких шалостей. Узнаю, тогда точно накажу.

От его тихого угрожающего шепота на затылке зашевелились волосы. Отец отпустил мою голову, и я взглянула на мать. Никакой реакции. Она скользнула по мне быстрым взглядом и тоже встала из-за стола.

– Бабушке я позвонила, – сообщила она, не глядя на меня, – так что она ждет тебя.

Легким поцелуем мазнув по щеке, мать направилась за отцом. Послышался звук закрывшейся двери, и я, наконец-то, дала волю слезам.

– Ненавижу! – сквозь всхлипы сотрясала я воздух злыми выкриками в сторону выхода.

Глава 7

«Ну, наконец-то», – выходя из автобуса, пропитанного потом и перегаром пассажиров, вдыхаю свежий деревенский воздух.

Зря не поехала на машине. Ведь стояли же водители на вокзале. Нет, вот надо было запереться в этот автобус.

День вообще не задался с утра. Опоздала на утренний рейс – раз. Вывихнула ногу, когда выходила из метро – два. Слава богу, нога не болит. И вот еще пришлось ехать в самую жару на этом доисторическом чудовище. Не думала, что такое старье еще осталось. С этим, как я поняла, повезло именно мне. Но были и свои плюсы. После душного и пыльного города воздух здесь кажется настолько ощутимым, что хочется его глотать, глотать и, не насытившись, повторять тоже самое.

– Что встала-то, раскорячилась? – сзади кто-то толкнул в спину.

Я отошла в сторону, подальше от этих... сначала в голову не приходило ни одного нормального слова. От этих бедуинов, вот. Я выплюнула это обидное слово в спину толстой тетке, что меня толкнула.

«Хотя не думаю, что она знает, кто это», – усмехнулась про себя, представив эту каракатицу в чалме. Да на нее воды не напасешься. Вот. Теперь еще и дурацкий юморок вылез.

Но что на этих селян тратить свое время? Мне еще топать и топать до дома бабушки. Улыбка тронула мои губы. Бабуле шестьдесят, но для меня она всегда в одной поре, совсем не меняется, выглядит моложаво, да и ведет себя соответственно. Хоть она-то будет моей отрадой после родительского террора. Хотелось засунуть голову в песок, как страус, и отсиживаться там, пока не наступят лучшие времена.

Тяжелый рюкзак за плечами и увесистая дорожная сумка. Хорошо, что хоть оделась по погоде: джинсовые шорты, украшенные на задних карманах стразами, и немного свободная майка с принтом красных больших губ, по контуру тоже украшенных стразами, на голове кепка, так что жгучее летнее солнце мне нипочем. Хотя нет, не так, на ногах кроссовки, и это жарко. Но переобуваться не хотелось, ничего, подумаешь, тут всего-то полтора километра.

«Не сварюсь и не свалюсь», – хмыкаю я и, чуть приседая, резко поднимаюсь, вскидывая немного вверх рюкзак, тем самым распределяя равномерно вес.

– Викусь! – раздался радостный возглас из-за спины.

– Пашка, – ошарашенно оборачиваюсь.

Черный джип стоит на обочине, и это из-за него доносится голос друга. А спустя несколько мгновений появляется и сам он, с велосипедом.

– Подожди, – машет он мне рукой, – ща, багажник закрою. Антох, помоги.

Водительская дверь открывается, и оттуда выходит парень. Его любопытный взгляд прикован к моему лицу. Я смотрю на него и не могу понять, не могу уловить, что мне знакомо в этом парне. Он разворачивается и заходит за машину.

– Паш, ну ты как маленький, – его бархатный тембр донесся до слуха, и в груди сердце ухнуло, а в ушах застучала кровь. Странно. Будто дежавю какое-то, ей-богу.

Я стою, переминаюсь с ноги на ногу в ожидании друга детства. Пашка уже спешит ко мне на всех парах, а я не могу совладать с собой. Ноги трясутся, колени готовы съехаться друг к другу. Стою, выглядываю водителя джипа.

– Вика, привет, – подъехавший Пашка, не обращая внимания на мою заминку, обнимает меня за плечи, притягивает к себе и впивается в губы влажным поцелуем.

Я, в шоке от поступка друга, застываю на месте. Он отрывается от меня.

– Соскучился.

А я, встретившись взглядом с Антоном, ни на секунду не прерываю зрительный контакт, смотрю ему в глаза, но он отводит взгляд первый, и разглядеть что-либо в них мне не удастся. Перевожу взгляд на Пашку.

– Ты что делаешь? – отталкиваю его, но так, несильно, я бы даже сказала, игриво.

Визг покрывающих, джип срывается с места и проносится мимо, обдав нас придорожной пылью.

– Придурок, что ли? – вырывается у меня.

– Дебил! Антоха мудака! – кричит в след уезжающему внедорожнику Паша.

Мы смотрим друг на друга и начинаем смеяться. На козырке кепки Пашки осел слой пыли, а под носом и глазами образовались пыльные разводы. Уверена, что выгляжу так же.

Я полезла в боковой карман дорожной сумки и достала влажные салфетки. Распаковав новую пачку, достаю одну и начинаю вытирать лицо Пашки, а он берет мою руку и целует в ладонь.

– Я правда скучал, – говорит он шепотом.

– Паш, прекращай, – отвечаю ему.

Отнимаю руку и стираю пыль с его лица.

– Времени прошло уже куча, – продолжаю я, так как парень молчит. – Это все давно в прошлом.

Мои щеки горят от того, что чувствую вину за собой. Полтора года назад я оставила ему какую-то призрачную надежду. Но прошло столько времени, а он опять за свое, и откуда узнал только, что я приеду?

– А ты как здесь оказался? – вместо всех ответов и вопросов, мне на ум пришло именно это.

Но Пашка будто пропустил мои слова мимо ушей, продолжал смотреть мне в глаза, чем только больше смущал меня.

– Да баб Лиза сказала, что ты приезжаешь. Хотела сама тебя встретить, но я пообещал, что привезу тебя, – и снова его губы тянутся ко мне, но я отворачиваюсь, и его поцелуй приходится мне в щеку. – Ладно, давай мне рюкзак и сумку, а то тетя Лиза ждет нас.

Опять «нас». Сказать ему прямо в лоб мне не хватало смелости. Настроение испортилось.

Я сняла тяжелый рюкзак и вручила его парню, сумку он поднял сам. Салфетки так и остались в моей руке, я доставала их и с остервенением оттирала лицо, злясь сама на себя за слабохарактерность. А Пашка толкал велосипед и болтал без умолку. Рассказывал, что произошло в Зарайске в последние полтора года.

Я задумалась, а действительно ли полтора? Начала вспоминать, сколько времени меня здесь не было. Бабушка Лиза сама частенько к нам навещала в столичную квартиру, а вот я с поступлением на юрфак совсем потеряла интерес к деревенским каникулам. Хотя раньше, в школьные годы, меня отсюда было совсем не вытащить. В пол-уха слушала местные сплетни, с трудом припоминая называемые Пашкой имена. Как все быстро позабылось. Я внимательнее посмотрела на парня. А он изменился. И как я сразу этого не заметила? Хотя после Никиты мне навряд ли хоть один парень покажется здоровым, но Пашка удивил. Раздавшись в плечах и явно подкачав бицепсы, парень выглядел внушительно, а загорелая кожа лишь подчеркивала его рельефные мышцы, что перекачивались под футболкой.

Модная стрижка и вещи придавали парню определенный шик.

– Ну, а Ленка-то, знаешь, что учудила? – чуть громче сказал парень, и это привлекло мое внимание, отвлекая от разглядывания его тела.

Я аж вздрогнула и быстро отвела глаза, надеясь на то, что парень не заметил, как я на него пялилась.

– Нет, – коротко ответила я.

Ленка, подруга детства и деревенский товарищ. Сколько у нас с нею было приключений, не перечислить и не сосчитать. И, конечно, мне было интересно услышать, что же учудила моя боевая подруга.

– С Антохой моим хотела замутить, прикинь! – он засмеялся в голос, но почему его это так насмешило, я не поняла. Скорее всего, что-то пропустила, а вот имя «Антоха» снова впилося в мой мозг, разъедая там местечко для себя.

– А что не так-то с твоим Антохой? – спросила я Пашу, сделав акцент на последних словах. – И что значит «твоим»? – решила уточнить, а перед глазами возник образ парня. Он кардинально отличался от облика Пашки, не походил на него совсем, если он имеет в виду, что они родственники.

– Ну, Антоха мне брат двоюродный, кузен, так сказать, – хмыкнул он. – А Ленка чуданула. Все в Зарайске в курсе, что у брата жена и двое детей, а она на дискотеке, пьяненькая, начала перед ним задницей крутить, – вздохнул рассказывал Пашка.

Я слушала его теперь внимательно, внимала каждому его слову, ловя при этом себя на мысли, что до конца не понимаю, что меня зацепило больше: то, что в истории принимала участие подруга, или то, что главным действующим лицом был тот самый Антон. В голове пульсирующей мыслью билось его имя о стенки черепной коробки. Меня мучило что-то знакомое в этом парне, но я так и не смогла понять, кто это может быть.

«А Ленка знает, на кого засматриваться», – хмыкнула про себя. Антон этот очень даже ничего. Ну, по крайней мере, посмотреть есть на что – это точно. Хотя, насколько я помнила ее принципы, женатики – табу. Никаких шашней с парнем, если у него есть кольцо на пальце.

– Ну, а что Антоха-то твой? – я постаралась не выдавать тех эмоций, что сейчас бушевали во мне, связанные с этим именем.

– Да послал он ее, – во все тридцать два улыбнулся Пашка.

Вот, значит, как? Оказался верным супругом. В груди вспыхнуло уважение к нему. Значит, ценит семью. И в то же время всколыхнулось непонятное чувство неудовлетворенности. Я попыталась быстренько его подавить, потому как полностью разделяла ранние принципиальные Ленкины чувства по поводу женатых мужчин. А вот то, что Пашка говорит о Ленке в таком ключе, покорило. Хотелось бы понять, чем она это заслужила. Ленка, нормальная девчонка. Мы вместе проводили все летние каникулы, и негативить в ее сторону было как минимум некрасиво с его стороны...

– Ладно, сама потом у Ленки спрошу, – скорее себе, чем ему, сказала я.

– Да там и рассказывать-то нечего, Викусь.

Меня передернуло. Ну почему «Викусь»? Можно просто «Вика», ведь выросли из этого детского сада давно.

– На дискотеке, куда привез меня Антоха, был тусняк выпускников, он там многих знает, жил до женитьбы здесь, а Ленка подвыпила и давай вешаться ему на шею, – со вкусом рассказывал Пашка.

А я в этот момент представила бедную Ленку. Интересно, как она все это пережила? Она ведь девчонка эмоциональная и отказы никогда не воспринимала адекватно. Хотелось бы посмотреть, как досталось этому Антону. Но за девчонку все-таки решила заступиться, не стоит про друзей говорить в таком тоне, даже если в этой истории ключевую роль играет его брат.

– Паш, не говори про Лену в таком тоне при мне. Ты же знаешь, как я отношусь к такого рода насмешкам, – укоризненно посмотрела я на него, – тем более, Ленка наша подруга.

Пашка тут же замолчал.

– Да ладно, Викусь, – сказал через минуту.

– Вика, Паша, я Вика! – не выдержала я.

– У тебя что, ПМС? – ни с того ни с сего выпалил парень.

Я даже остановилась, таким было мое неверие в произнесенные им слова. Я уставилась на него изумленными глазами.

– Я помолчу, – ускорив шаг, я пошла быстрее, оставляя парня позади.

– Вика, ну, извини, – подкатил парень сзади, оседлав велик.

Глава 8

Жал газ в пол до упора. Зачем? Сам не понимаю? Что меня задело в этой встрече Пашки с девчонкой? Да то, что я ее узнал сразу. Очень трудно было забыть эти рыжие волосы и взгляд серебристо-серых глаз бедного олененка Бемби. В голове тут же вспыхнул тот день, когда я налетел на нее в суде, и как она, упав на колени, сбила их в кровь, но при этом только взглядом выдавала, как ей больно. А еще я вспомнил, что у нее был парень. Ну да, поругались они тогда, но с кем не бывает. Таких, как тот качок, не бросают, и таких, как она – тоже. Поэтому, сложив два и два, с уверенностью можно сказать, что они еще встречаются. Так какого тогда хера она сосется с Пашкой? Теперь-то я понял, про какую Вику брат пел мне дни и ночи напролет, пока мы с ним катались, выискивая поле, пригодное для посадки яблоневого сада. Вспомнил, и как горели Пашкины глаза, видимо, девчонка ему нравится. Но, с другой стороны, я точно знаю, что он крутит шашни с разными барышнями. Хотя и его можно понять, все же приезжает она сюда нечасто, а у него тестостерон прет во все стороны, и все телки для него потенциальные давалки. И как ни трудно в это поверить, глядя со стороны, но дает ему реально каждая. На дискотеках, куда иной раз заглядываю и я сам, не раз наблюдал картины, подобные тем, что процветают в ночных клубах столицы. Только там все намного масштабнее, а здесь, в Зарайске, это небольшое ДК, где собирается местная молодежь и, зажимаясь по углам, целуется в засос. Мимолетная ухмылка скривила мои губы и тут же исчезла, как только вспомнил про Вику. И на что она сдалась Пашке? Как я понял, она жила недалеко от Зарайска. Километрах в трех, в соседней деревеньке Лебяжье. Пашка мне даже тыкал пальцем в ее дом, но я теперь и не вспомню, где он стоит. Знаю только то, что участок, на котором я собираюсь разбивать сад, находится именно за этой деревенькой.

Я не удержался и ударил ладонью по рулю. Нет, ну почему, почему все бабы такие лживые?

«Так. Стоп, – тормознул меня внутренний голос. – Все же не стоит под одну гребенку всех баб подводить и вешать ярлыки. Тем более, наверняка ты не знаешь, что происходит у нее в личной жизни».

Да и вообще, что завелся-то? Пусть Пашка сам с ней разбирается. Я в ближайшее время, ну, по крайней мере, пока не подрастут пацаны, шашни ни с кем мутить не намерен.

Впереди показался коттедж.

Лучше бы Пашка остался дома и сам встречал свою Вику, без моего участия.

Я подъехал к воротам. Нажал на брелоке кнопку, и ставни поползли вверх.

Хотя это во мне играют противоречивые чувства, как говорится, и хочется, и колется, но тут немного другая смысловая нагрузка. Все же обида и непонимание поступка Лики прошлой осенью до сих пор бередают душу, поэтому все так близко принимаю к сердцу. На самом деле, Пашка мне очень хорошо помогает. Незаменимый помощник, потому что знает тут практически всех. Можно было бы для этого дела и крестного привлечь, но я все-таки решил, что подтянуть брата будет правильным решением. Тем более, тетя Валя жаловалась на то, что у парня, видимо, много свободного времени, и он начинает заниматься ерундой. А какой, я могу себе представить.

Подъезжая к воротам гаража, увидел, как во дворе веселятся пацаны. Детская спортивная площадка и небольшая игровая – вот все, что надо для счастья малышам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.